

Опыт изучения Киевской летописи К. Н. Бестужевым–Рюминым в контексте современного источниковедения*

М. Л. ЛАВРЕНЧЕНКО

Аннотация: В статье рассматриваются основные тезисы К. Н. Бестужева–Рюмина, касающиеся истории сложения Киевской летописи, в т. ч. вопрос о возможности выявления фрагментов локальных летописей и «сказаний» в ее составе путем «расшивки» текста и проблема соотношения отдельных сообщений Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. В статье также дается краткий обзор этапов изучения Киевской летописи за последние полтора века. Среди исследований этой проблематики выделяются работы И. Д. Беляева, И. П. Хрущова, А. А. Шахматова, И. П. Еремина, Д. С. Лихачёва, А. Н. Насонова, Ю. А. Лимонова, Б. А. Рыбакова, В. Ю. Франчук, Т. Л. Вилкул, В. Ю. Аристов, И. С. Юрьевой. Каждый из них предложил собственное решение указанных вопросов, и многие дискуссии далеки от финала. Особо сложными представляются проблемы происхождения дублей Киевской летописи, общих мест Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, которые, в свою очередь, вынуждают обратиться к вопросам об изменениях в характере работы сводчика, отразившихся в разных пластах летописи, об объеме и первоначальном виде черниговских текстов, редакторских правках. К. Н. Бестужев–Рюмин стоял у истоков формирования научного подхода к изучению летописного наследия, но, несмотря на сложность и нетронутость этого поля, сумел сделать целый ряд наблюдений, имеющих большую ценность и сегодня. Например, он справедливо указал, что дубли Киевской летописи, а также общие места Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в. в целом ряде случаев

---

* Работа выполнена в Институте всеобщей истории РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–02081 «Киевский свод рубежа XII–XIII вв.: Состав источников и история сложения».

имеют небольшое расхождение в фактографии – это говорит о том, что сводчик комбинировал два источника, а не расширял или сокращал один из них. К. Н. Бестужев-Рюмин детально рассмотрел границы и способы компиляции черниговских текстов со «сказанием», написанным сторонником Изяслава Мстиславича в статьях конца 1140-х – начале 1150-х гг., поднял вопросы методологии определения времени, отделявшего событие от его фиксации в тексте, о том, насколько полно информант мог вспомнить детали, о возможной степени беспристрастности, на которую способен летописец.

Ключевые слова: К. Н. Бестужев-Рюмин, Киевская летопись, Суздальская летопись, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, средневековая Русь, историография, источниковедение

Maria L. Lavrenchenko
**The Experience of Konstantin Bestuzhev-Ryumin's Study
of the *Kyivan Chronicle* in the Context of Modern Source Studies**

Abstract: The article examines the main theses of Konstantin N. Bestuzhev-Ryumin concerning the history of the *Kyivan Chronicle*: the possibility of identifying individual local chronicles, including a text, written in the Chernigov Principality, and separate legends by "ripping" the text, as well as the problem of the correlation of the *Hypatian* and the *Laurentian* Chronicles' texts for the 12th century. The article also gives a brief overview of the *Kyivan Chronicle* studies over the last one hundred and fifty years (works by I. D. Belyaev, I. P. Khrushchov, A. A. Shakhmatov, I. P. Eremin, D. S. Likhachev, A. N. Nasonov, Yu. A. Limonov, B. A. Rybakov, V. Yu. Franchuk, T. L. Vilkul, V. Yu. Aristov, Yu. S. Yurjeva are especially important). Each of them proposed their own solutions of those problems, and many discussions are far from final stage. Particularly difficult is the explanation of the duplicated notes of the *Kyivan Chronicle*, as well as the problem of the common entries of the *Laurentian* and the *Hypatian* Chronicles, which, in turn, force us to ask questions of changes in the character of the compiler's work at different time stages, the question of the original form of the Chernigov texts, as well as of the late editing of the whole text. K.N. Bestuzhev-Ryumin stood at the origins of the comprehensive analysis of the medieval Rus chronicles, but despite the complexity and untouched nature of this field, he managed to make a number of observations that are of great value even today. For example, he correctly pointed out that duplicates in the *Kyivan Chronicle* and the common entries in the *Hypatian* and the *Laurentian* Chronicles for the 12th century in a number of cases have slight discrepancies in factography, which indicate that the editor compounded two sources, he did not expand or reduce one of them using the text of the other. K.N. Bestuzhev-Ryumin examined in detail the boundaries and editor's methods of compiling the Chernigov texts with the text of the "story" written by a supporter of Izyaslav Mstislavich in the *Kyivan Chronicle*'s text for the late 1140s. He also raised the question of the methodology of determining the time that separates an event from its writing down, and how fully the author could record details. He made some assumptions about the degree of the chronicler's dispassion.

Key words: K. N. Bestuzhev-Ryumin, *Kyivan Chronicle*, *Suzdal Chronicle*, *Laurentian Chronicle*, *Hypatian Chronicle*, Medieval Rus, historiography, source studies

For citation: *Лавренченко М. Л.* Опыт изучения Киевской летописи К. Н. Бестужевым-Рюминым в контексте современного источниковедения // *Graphosphaera*. 2024. Т. 4. № 1. С. 49–78. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2024-4-1-49-78>

DOI: 10.32608/2782-5272-2024-4-1-49-78

© М. Л. Лавренченко, 2024.

В истории изучения древнейших летописей начало использования современных методик чаще всего отсчитывается от трудов А. А. Шахматова. Однако если обратиться к путям научного осмысления Киевской летописи, то здесь ключевой фигурой справедливее назвать К. Н. Бестужева-Рюмина¹. Используемая им методика «расшивки» летописного текста (предполагалось, что в XII в. существовало множество локальных и княжеских летописцев) как раз и стала основой для сравнительно-текстологического метода А. А. Шахматова, получившего затем название «больших скобок», целью которого было выявление всех ранних несохранившихся источников и создания полной схемы истории раннего летописания (Присёлков 1996. С. 45; Лурье 1996. С. 18). Хотя сама идея множественности центров летописания подверглась критике, рассуждения К. Н. Бестужева-Рюмина о способах выявления отдельных источников и специфики работы авторов представляют особую ценность. В данной статье я предлагаю проследить изменения взглядов ученых на состав Киевской летописи, вернувшись к исходным наблюдениям ученого и взяв их за исходную точку.

Итак, в попытках прояснить историю создания древнейших летописей средневековой Руси К. Н. Бестужев-Рюмин впервые использовал тактику разъединения отдельных частей летописного текста. При ее применении он обращал внимание на политическую лояльность каждого летописца, различия в языке и характере повествования, а кроме того, выделил очевидные маркеры редакторской работы. Ученый представлял тексты Ипатьевской и Лаврентьевской летописей (далее: Ипат., Лавр.) за XII в. (за ними впоследствии утвердились названия «Киевская летопись» и «Суздальская летопись»² [далее: КЛ, СЛ], используемые и в современных работах [например: Юрьева 2022]) как сложные компиляции из множества произведений, не дошедших до наших дней. С точки зрения исследователя, локальные летописи, на которые

---

¹ Хотя в своих изысканиях К. Н. Бестужев-Рюмин следовал подходу П. М. Строева, опирался на рассуждения Н. И. Костомарова и М. П. Погодина, многие из его собственных наблюдений сначала повлияли на Л. Леже и И. А. Тихомирова, а затем стали существенными для многих последующих работ (Вовина-Лебедева 2011. С. 153–173; 2019. С. 17).

² Т. е. рассказывающая о событиях и ведшаяся в Суздальской земле.

опирались их составители, могут быть выявлены в процессе текстологического анализа: «компиляторы древнего времени, не называя своих источников, тем не менее не стирали с них следов их различного происхождения и даже немного заботились о связи» (Бестужев-Рюмин 1868. С. 72). При выделении отдельных источников, по мнению ученого, можно прояснить и характер работы составителя.

Так, яркий пример соединения нескольких текстов в один К. Н. Бестужев-Рюмин находит в повествовании о событиях конца 1140-х гг. (Там же. С. 75. С. 80–105). Исследователь отмечает в нем вставки, «противоречащие тону» основного рассказа, которые могли быть написаны черниговцем или северянином (Там же. С. 75). Рассуждая о происхождении первоначальных записей, он предполагает, что «если летописцы были в Киеве, то они были и в других городах, и свод их представляет лишь обломки этих летописей» (Там же. С. 76). Следы использования других источников, с точки зрения исследователя, можно видеть в разных частях КЛ с начала и вплоть до статьи 1198/9 (6706)³ г., когда ее текст заканчивается. К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает, что известия, носящие следы компиляции, как правило, составлены из двух первоначальных источников – это объясняется тем, что в каждом из них они ранее находились под соответствующим годом, а затем были внесены в новый объединяющий текст под той же датой, и именно на этом этапе составителя и ждали сложности, которые отразились наличием нестыковок в тексте (Там же. С. 78–79). Соединение двух источников порой нарушало внутренние отсылки, сделанные авторами, например, летописец говорит о дарах половцам, и тут же добавляет, что их описание было дано ранее, однако в тексте КЛ мы его не находим (Там же. С. 83. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339). Среди мест, где были написаны отдельные известия КЛ, К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает собственно Киев, Суздальскую землю (Бестужев-Рюмин 1868. С. 80–130, 136–142), Новгород (Там же. С. 79–80, 122, 126.), Галич (Там же. С. 135–136), Смоленск (Там же. С. 137), Чернигов (Там же. С. 89–92, 138), Новгород-Северский (Там же. С. 75, 100), Рязань (Там же. С. 139), Переяславль (Там же. С. 143–144), Полоцк (Там же. С. 123). По мнению К. Н. Бестужева-Рюмина, их соотношение различно, например, заметка о рождении Игоря Святославича, вероятно, записанная в Чернигове, окружена текстом, благосклонным к Ростиславичам, составленном в Киеве (Там же. С. 140). Иногда место записи и действий – не одно и то же, например, описание странствий

---

³ Текст статьи 6706 (1198) г. КЛ в Ипатьевском списке искусственно разделен: появились последние статьи 6707 (1199) и 6708 (1200) гг., хотя повествование явно относится к одному, 6706 (1198/9) г. (Бережков 1963. С. 209–211).

галицкого князя Владимира Ярославича могло быть сделано в Новгороде-Северском, а известие о «тьме» в Галиче – в Киеве (Там же. С. 144–145).

Текст, взятый из дополнительного источника – сказания или местной летописи, отличается от записанного в Киеве краткостью и обрывочным характером. Например, по поводу ладожских известий К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает, что их автор, конечно, мог быть киевлянином, совершившим поездку на север, но почему тогда он ограничился краткими ремарками, а не привел более подробный рассказ? (Там же. С. 79). Следовательно, они взяты из отдельного новгородского источника. Ученый классифицирует известия по степени достоверности: зафиксированные очевидцем; те, которые сделаны по припоминанию; записанные спустя продолжительное время. В одном эпизоде могут быть использованы несколько типов, например, характеристика Изяслава Давыдовича в повествовании о его активных действиях дана как будто из посмертного жизнеописания: «бъ бо храборъ, крьпокъ на рать» (Там же. С. 83. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336). В попытке разобраться с происхождением отдельных известий КЛ, К. Н. Бестужев-Рюмин обращается к историческим персонажам, которые могли выполнить функцию информанта согласно контексту (Бестужев-Рюмин 1868. С. 122–125). Например, поездка Изяслава Давыдовича в Чернигов, вероятно, описана сопровождавшим его Романом Ростиславичем или кем-либо из дружины, попытка Ольговичей въехать в Чернигов – по слухам (Там же. С. 99)⁴, некоторые события, например, пожертвования Ярополка Изяславича и его зятя в Киево-Печерский монастырь были известны только человеку, жившему в этой обители (Бестужев-Рюмин 1868. С. 122). К. Н. Бестужев-Рюмин замечает, что дни недели и числа мог зафиксировать свидетель – их гораздо труднее воспроизвести по памяти, хотя иногда непосредственный очевидец уклоняется от таких упоминаний, а кроме того, именно он подчас «довольствуется простым намеком там, где нужно было разъяснение» (Там же. С. 135), т. е. как раз отсутствие уточняющих подробностей может указывать на запись со слов участника событий. Бывает и так, отмечает ученый, что даже краткие сообщения скомпилированы из источников разного происхождения и «во все не согласуются между собою» (Там же. С. 136). В некоторых местах

---

⁴ К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает, что известия, записанные со слухов, можно отличить благодаря меньшему сочувствию героям событий. (Там же. С. 124). Упоминание по памяти можно выделить по анахронизмам, например, именование Андрея Боголюбского тестем Святослава Владимировича еще до брака его дочери. (Там же. С. 124–125). Использование терминов свойства сразу после заключения предварительного соглашения о свадьбе и до совершения самого обряда – не редкость в домонгольской Руси. (Литвина, Успенский 2013. С. 314–315).

очевидно, что недостаток информации, разрыв логики повествования связаны с редактурой сводчика, например, он отмечает вслед за М. П. Погодиным, что указанию «яко стоить Кыевъ безъ князя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 579) не предшествует рассказ о том, почему и как Святослав Всеволодич оставил этот город (Бестужев-Рюмин 1868. С. 139).

Особый интерес вызывает сравнение К. Н. Бестужевым-Рюминым двух реконструируемых им источников, при соединении которых сформировался текст, повествующий о событиях второй половины 1140-х гг.: это «сказание о Изяславе Мстиславиче» (Там же. С. 79–105) и рассказ о действиях черниговских князей, написанный человеком, лояльным Игорю и Святославу Ольговичам, в т. ч. и «сказание о страдании Игоря». Последняя отмеченная автором повествовательная черниговская вставка в этой части – об избавлении города Глебля от разграбления Изяславом и Ростиславом Мстиславичами (Там же. С. 80–87; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358–359). После этого, согласно схеме К. Н. Бестужева-Рюмина, чередование обширных черниговских известий с рассказом человека, лояльного Изяславу Мстиславичу, постепенно сходит на нет, но чаще появляются «суздальские» известия, например, описание ссоры киевского князя с Ростиславом Юрьевичем исполнено «сочувствия к Юрию» (Бестужев-Рюмин 1868. С. 89), а наиболее ясно этот источник читается при описании подвигов Андрея Юрьевича (Там же. С. 92). Он же проявляет себя похвалой Владимиру Володаревичу: «добрѣи бо кнѣзь Володимиръ, братолюбиемъ свѣтѣся, миролюбиемъ величаяся, не хотя никому зла» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 391. Бестужев-Рюмин 1868. С. 92). К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает, что эти слова могли принадлежать и галицкому летописцу, хотя «галичане далеко не все были на его (Владимира. – М. Л.) стороне» (Там же. С. 93). Предположить, что автору просто «понравился поступок Владимирка, и он его хвалит» (Там же), рассуждает К. Н. Бестужев-Рюмин, – значит для защиты цельности текста отказаться от тех очевидных социальных законов, действие которых можно наблюдать в повседневной жизни. Дальнейший текст, по мнению исследователя, принадлежит практически полностью стороннику Изяслава Мстиславича, лишь изредка встречаются краткие вставки, рассказывающие о семье Святослава Ольговича и, очевидно, перебивающие основной текст: о перенесении мощей Игоря, смерти Ростислава Юрьевича, рождении Игоря Святославича. Исследователь отмечает, что при описании боевых перемещений группы Юрия Владимировича и Святослава Ольговича у Заруба можно видеть, что КЛ и СЛ содержат два варианта описания событий, причем незначительное несоответствие заключается в деталях конкретных действий исторических лиц. К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркивает, что «ед-

ва ли такое различие можно считать простым вариантом при переписке; не указывает ли оно на существование двух источников, одним из которых дополнено повествование первоначального источника, общего обоим сводам, из которых... ни один не служит источником для другого» (Там же. С. 96–97). На мой взгляд, это наблюдение можно отнести к числу наиболее существенных: наличие небольших фактографических различий в текстах, содержание которых близко по сути, действительно указывают на использование сводчиком двух независимых источников, рассказывающих об одном и том же событии и созданных в близкой локации.

Особое внимание К. Н. Бестужев-Рюмин уделяет описанию битвы на реке Руте в КЛ: здесь он также видит очевидные следы использования двух источников: сначала показаны события четверга и пятницы, затем летописец опять переходит к тому, что происходило в четверг (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 436), о чем можно узнать, обратившись к тексту СЛ, где в повествовании о событиях этого дня присутствуют те же характеристики: «бъсть дождь силенъ с вѣтромъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 333). Первый источник – краткий, его же содержит текст СЛ, второй – более полный, уникальный для КЛ («сказание о Изяславе» [Бестужев-Рюмин 1868. С. 98]).

Видимый рубеж в характере компоновки известий КЛ, с точки зрения К. Н. Бестужева-Рюмина, представляет собой сообщение о смерти Изяслава Мстиславича, после которого более пространственный киевский источник (ранее представлявший собой «сказание о Изяславе Мстиславиче») начинает отзываться о этом князе в негативном ключе: «не помяна злобы брата его, отда ему гнѣвъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477. Бестужев-Рюмин 1868. С. 104). Ученый предположил, что со смертью Изяслава заканчивается и источник, написанный лояльным ему лицом⁵ (Бестужев-Рюмин 1868. С. 105). Отметим, что смена автора, естественная для поэтапного хроникального произведения, не обязательно обозначала конец собственно используемого сводчиком первичного источника – вероятно, последующие авторы просто продолжали его, при этом характер лояльности неизбежно менялся.

Отдельным источником считает К. Н. Бестужев-Рюмин Сказание о убиении Андрея Боголюбского, написанное приближенным к Андрею «и преданным ему» (Там же. С. 105–107) очевидцем вскоре после самого события. Сказание цельно: «не встречается никаких признаков сложения его из разных частей» (Там же. С. 107). За сказанием о убийстве Андрея следует, согласно логике К. Н. Бестужева-Рюмина, Сказание о рас-

---

⁵ Причем исследователь отмечает, что этот источник начался раньше, чем Изяслав утвердился в Киеве.

пре братьев Андрея с племянниками или борьбе Владимира с Ростовом, составитель КЛ пользовался им только выборочно, а автор СЛ приводит рассказ о событиях более полно. В этих статьях КЛ ученый видит след особого источника, сведения из которого разъединяют Владимирское сказание (Там же. С. 108). Также самостоятельным произведением, попавшим в КЛ, К. Н. Бестужев-Рюмин признает «Поход Игоря на половцев» (Там же. С. 110–115), тем более что в тексте он соседствует с совершенно независимым рассказом о предыдущем походе Игоря (Там же. С. 111). Сравнение СЛ и КЛ, пишет исследователь, показывает, что «ходило в то время по рукам несколько современных сказаний, чем подтверждается в подробностях, в которых они сходятся, достоверность подробного сказания», причем опять же, ни текст «сказания», ни текст «Слова» не могут быть признаны источниками друг друга (Там же. С. 114–115). Завершающая часть КЛ – похвала Рюрику Ростиславичу по поводу строительства каменной стены Михайловского Выдубицкого монастыря – тоже составляет отдельное сказание, но нельзя с уверенностью утверждать, что оно было частью летописи, которая велась в этой обители (Там же. С. 115).

Касательно структуры КЛ, К. Н. Бестужев-Рюмин высказывает следующие соображения: если исключить из ее текста *сказания* (о «стеклянных глазках», о Изяславе Мстиславиче, об убиении Игоря Ольговича, об убиении Андрея Боголюбского, борьбе 1174–1176 гг. во Владимиро-Суздальской земле, о походе Игоря Святославича 1185 г., о строительстве подпорной стены Выдубицкого монастыря), то перед нами, пишет он, останется текст погодных записей, хотя, вспоминая о множестве центров летописания, он добавляет, что «и многое другое, тоже в свое время, до включения в свод, имело отдельное существование», а одно событие «могло дойти до нас в обломках и отрывках» (Там же).

Основное погодное повествование велось в Киеве, пишет К. Н. Бестужев-Рюмин, автор изначально лоялен Владимиру Мономаху и его семье (Там же. С. 119–120), затем сменилось два или три его последователя (Там же. С. 76). Работа сводчика заключалась в том, что он «выписывал из отдельных местных летописей то, что ему особенно нравилось, оставляя все для него неинтересное» (Там же. С. 119), а повторы наглядно демонстрируют, что таких летописей было несколько, причем иногда они приведены в разной комбинации, была и последующая правка. Характерным примером является рассказ о походе Всеволода Ольговича на Владимира Володаревича (статьи 1144, 1146 гг.), в интерпретации которого К. Н. Бестужев-Рюмин следует за М. П. Погодиным: «ясно, что это происшествие записано или одним лицом в два приема или записки дополнены неискусно впоследствии ле-

тописателем» (т. е. более подробный рассказ является поздней вставкой [Там же. С. 119–120]). В определенные моменты можно предположить, отмечает К. Н. Бестужев-Рюмин, что в Киеве локализируются две летописи (или, как вариант – одна из них находится в Переяславле [Там же]). Между этими киевскими известиями встречаются краткие сообщения о событиях в других городах, например, о построении церкви Св. Николая в Новгороде (Там же. С. 120), наводнении в Галиче, суздальские записи о смерти Изяслава Андреевича и Ярослава Юрьевича (Там же. С. 130), они носят единичный характер и могли быть записаны по слухам и припоминаниям. Не всегда место записи соответствует локализации событий, например, борьба за Чернигов Святослава Всеволодича и Олега Святославича могли быть написаны не в самом Чернигове, а в Киеве, т. к. в конфликт вмешался Ростислав Мстиславич, а известие продолжается рассказом о нападении половцев (Там же).

Изложение событий, произошедших после смерти Ростислава Мстиславича, показывает ярко выраженную лояльность Мстиславу Изяславичу, которая прослеживается благодаря религиозным высказываниям, например: «Мъстиславъ же положи то на Бозь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 536; Бестужев-Рюмин 1868. С. 130). Среди кратких известий К. Н. Бестужев-Рюмин отмечает эпизод о перенесении тела Владимира Андреевича из Вышгорода в Киев, в котором автор проявляет себя, упоминая о участии в этом событии: «поидохоми с Володимиромъ из Вышегорода» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 547), однако К. Н. Бестужев-Рюмин не стал предполагать, что эти строки написаны упомянутыми в тексте Поликарпом или Симеоном, а отметил, что их автор скорее всего имел более скромный статус, хотя тоже участвовал в процессии (Бестужев-Рюмин 1868. С. 133).

Особый интерес с точки зрения К. Н. Бестужева-Рюмина представляют известия конца летописи: о вокняжении Рюрика Ростиславича в Киеве, о участии Романа Мстиславича в распрях польских князей, о конфликте Рюрика и Всеволода из-за городов, отданных Роману – все они, кроме упоминания о смерти Всеволода Мстиславича (вероятно, волынского происхождения), написаны в Киеве человеком, благожелательным к Ростиславичам. Они подробны: приводятся дни недели и другие черты, выдающие очевидца, например, глубокий снег и т. п. (Там же. С. 148). Этот рассказ прерывается сообщением о кончине Всеволода Святославича в крайне панегирическом ключе, но в нем автор использует тот же обобщающий термин «Ольговичи», что и в основном, лояльном к Ростиславичам, тексте (Там же. С. 148–149). На вопросы о том, сколько здесь вставок и где их границы, К. Н. Бестужев-Рюмин отвечает уклончиво. В завершение своего труда над источниками, вошедшими

в Киевскую летопись, ученый обнаружил фрагменты некоторых из них в тексте «Анналов» Яна Длугоша XV в.

Оглядываясь на выводы К. Н. Бестужева-Рюмина спустя сто пятьдесят лет, можно проследить судьбу основных его идей о киевском летописании XII в. Отметим основные из них:

1. КЛ имеет составной характер: ее текст скомпилирован из частей, написанных разными авторами, на это указывает география интересующих их событий и выраженная лояльность тому или иному князю или ветви Рюриковичей.
2. В XII в. на Руси существовало множество центров летописания: в Киеве, Суздале, Чернигове, Переяславле, Галиче, Новгороде, Смоленске, других городах и землях.
3. В КЛ можно выделить краткие погодные записи и пространные сказания, в т. ч.: сказание «о стеклянных глазках», об убийстве Игоря Ольговича, о Изяславе Мстиславиче, об убийстве Андрея Боголюбского, о борьбе во Владимирском княжестве 1170-х гг., о походе Игоря Святославича на половцев и повествование о починке стены Выдубицкого монастыря с панегириком Рюрику Ростиславичу, завершающее летопись.
4. Пласт КЛ, описывающий события 1146 (6654)–1154 (6662) гг. авторства человека, лояльного Изяславу Мстиславичу, составляет особое сказание: его рука прослеживается еще до начала княжения этого правителя в Киеве, но сразу после его смерти летописец сменился: в тексте появляются отрицательные характеристики прежнего правления Изяслава.
5. Текст сказания о Изяславе Мстиславиче второй половины 1140-х гг., созданный в Киеве, скомпилирован с повествовательными записями черниговского происхождения, затем, начиная со статьи 1149 (6657) г., он разрывается сообщениями, лояльными Юрию Владимировичу и его союзникам (часть из них К. Н. Бестужев-Рюмин называет «суздальскими»).
6. Некоторые известия КЛ читаются также в тексте Лавр. за XII в., оба текста несут следы правок и сокращений.
7. Процесс составления единого текста из разных произведений оставил свои следы: некоторые сообщения повторяются (с небольшими изменениями), заметны неудачные места соединения, нарушаются логика, хронология или «тон» повествования.

Впоследствии к обсуждению этих тезисов обращались все ученые, так или иначе рассматривавшие КЛ. Главный вопрос, ответа на который не дал К. Н. Бестужев-Рюмин, – когда были соединены разроз-

ненные известия в единое произведение? Для понимания истории источника важно определить и хронологические рамки – были ли первоначальные тексты, в т. ч. сказания, из которых автор КЛ черпал свои известия, записаны по горячим следам в XII в., или же это было сделано значительно позже, соединялись ли они в один или несколько приемов? Последователи К. Н. Бестужева-Рюмина различным образом видели решение этих проблем.

* * *

Подход, наиболее близкий К. Н. Бестужеву-Рюмину, можно видеть в работах И. П. Хрущова. Он также разделил КЛ на отдельные источники, которые «сшивали наши древние сводчики», «не только не перерабатывая их, но даже и не оговаривая противоречий» (Хрущов 1878. С. 142). Среди них, помимо «сказаний» и «местных летописных рассказов», исследователь отметил краткие записки – «памяти» о походах, битвах, союзах, договорах, они попали в летопись в своей первоначальной форме «погодных или помесячных отметок событий», причем «с подробностями, важными для очевидцев и людей ратных» (Там же. С. 160). И. П. Хрущов подробно остановился на том, каким образом происходила компоновка текстов автора, близкого Изяславу Мстиславичу и летописца, лояльного Ольговичам (Там же. С. 161–164) в статьях 1146 (6654)–1148 (6656) гг., и отметил, что их мнения противоположны, хотя тексты перемежаются, из чего ученый делает вывод, что личность составителя не современна событиям, он заботился лишь о последовательности изложения и соблюдения хронологии, не вникая в суть описываемых событий и не занимая чью-либо сторону (Там же. С. 162–164). Кроме того, И. П. Хрущов выделил в этих статьях два черниговских источника: один из авторов был человеком церкви и составил, кроме описания «измены Давыдовичей», подробное изложение истории разграбления имущества Ольговичей Изяславом Мстиславичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331–334), затем это сказание «слилось с памятными записками о Святославе» (Хрущов 1878. С. 165).

Если К. Н. Бестужев-Рюмин выделил отдельное сказание о жизни Изяслава Мстиславича, то И. П. Хрущов не видел в повествовании о деяниях этого князя цельности: оно содержит «памятные записки о путях» и «отдельные сказания, писанные его приближенными людьми» (Там же. С. 176–177), затем собранные в общем тексте. И. П. Хрущов спорил с тезисом К. Н. Бестужева-Рюмина о том, что летописец не мог быть беспристрастен (Бестужев-Рюмин 1868. С. 93). Одна и та же летопись, пишет И. П. Хрущов, может иметь разную лояльность в случае, если она имеет городское происхождение. Например, рассказ о сраже-

нии на реке Руте не является составным – просто он исполнен «беспристрастия к князьям – героям, достойным друг друга соперникам» (Хрущов 1878. С. 175). Если княжеские «памяти... следили за деяниями одного лица», то местные летописи восхваляли того, кто занимал княжеский стол: был то Изяслав Мстиславич или Юрий Владимирович (Там же. С. 174–175).

А. А. Шахматов перешел от метода «расшивки» текста, предложенной К. Н. Бестужевым-Рюминым, к методике сравнения близких летописей с целью выделения предшествовавших им несохранившихся сводов (в то время как К. Н. Бестужев-Рюмин ограничился тезисом о том, что у компилятора было множество источников разного происхождения). А. А. Шахматов поддержал предположение о существовании летописных центров во многих городах и землях в XII в. и выделил: киевский, черниговский, галицкий, волынский, переяславский, владимирский, ростовский, суздальский источники в составе КЛ (Шахматов 1938. С. 76–77, 364). Ученый счел, что финальное соединение местных летописей произошло существенно позже описываемых событий – в Полихроне начала XIV в., когда центростремительные идеи в духовных кругах набирали популярность (Там же. С. 77–78)⁶. А. А. Шахматов отметил, что памятник, восстанавливаемый по Ипат. и Воскресенской летописям, пользовался протографом Лавр., причем при создании вставок разъединялось цельное повествование последнего (Там же. С. 74–75); в Ипат. отразился более поздний вариант Суздальского (Владимирского) свода, чем в Лавр.⁷ В основе самой КЛ – записи, составленные в Киево-Печерском монастыре⁸, откуда они попали в Выдубицкий монастырь, где последние статьи были обработаны в пользу Рюрика Ростиславича⁹.

---

⁶ На существование Полихрона А. А. Шахматова натолкнуло наличие общих схем соединения известий в Ипат. и Воскресенской летописях. (Шахматов 1938. С. 73–76). Именно из Полихрона XIV в. в Ипат. попали такие поздние детали, как, например, именование Владимира Мономаха «великим князем всея Руси» (Там же. С. 77).

⁷ Т. к. нем есть прибавление имени Всеволода к упоминаниям о действиях Михалка Юрьевича, а собор во Владимире имеет пять куполов. (Там же. С. 76).

⁸ К киево-печерским известиям относятся рассказы о смертях Ростислава Мстиславича, Ярополка Изяславича, Владимира Андреевича, где как раз содержится упоминание о действиях автора: «поидомом с Владимиром из Вышегорода», о кончине архимандрита Поликарпа в статье 1182 г., а также известия о прибытии в Киев Романа Ростиславича в статье 1174 г. (Там же. С. 71).

⁹ Ученый отмечает, что имя Рюрика прибавлено к имени Святослава Всеволодича, причем глагол часто остается в единственном числе. Случаи несогласования чисел характерны для некоторых текстов XII в., и встречаются в разных источниках, например, в берестяных грамотах. (Гиппиус 2004. С. 186–187). В самой КЛ мы можем видеть их в самых разных ситуациях, в т. ч. там, где правка маловероятна, например:

Последователь А. А. Шахматова, М. Д. Присёлков сократил число реконструируемых источников, но конкретизировал их происхождение, историю и схему соединения. Он постановил, что в основе Ипат. – общерусский свод южной редакции начала XIV в., в который вошли: Киевский свод 1200 г., Галицко-Волынская летопись конца XIII в. (по мнению ученого, из нее есть вставки и в тексте за XII в. Ипат.), а также северо-восточный Владимиро-Ростовский свод XIII в. (известный также по Лавр.), откуда были взяты записи преимущественно о событиях XII – начала XIII в. (Присёлков 1996. С. 86).

Рассматривая историю Киевского свода 1200 г., М. Д. Присёлков во многом вернулся к стратегии К. Н. Бестужева-Рюмина о выделении сказаний и летописей, связанных с отдельными князьями. Он пишет, что у автора этого свода на руках была великокняжеская киевская летопись – прямое продолжение редакции «Повести временных лет» 1118 г., черниговская летопись (куда вошли летописи Святослава Ольговича и Игоря Святославича) 1198 г., переяславская княжеская летопись 1187 г. (в ее основе – также «Повесть временных лет» 1118 г.), а также Хроника Ростиславичей. Исследователь поддержал идею А. А. Шахматова о финальных правках игумена Моисея (Там же. С. 87–88). Галицко-волынские фрагменты, повествующие о событиях XII в., были инкорпорированы в этот текст позже, при соединении к Киевскому своду 1200 г. Галицко-Волынской летописи¹⁰ и окончательном его формировании. Тогда же были присоединены пласты текста, рассказывающие о Северо-Восточной Руси, последний из них – о нашествии Батые на эти территории (Присёлков 1996. С. 86). Таким образом, соединение локальных записей в текст XII–XIII вв., читающийся в Ипат., произошло в два этапа.

Вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Присёлков уделял большое внимание переяславским известиям, развил идею своего предшественника (Шахматов 2003. С. 558) о двух летописях этого центра: епископской, созданной на основе «Повести временных лет» 1116 г. и доведенной до 1175 г. (она легла в основу Владимирского свода 1177 г. в составе СЛ [Присёлков 1996. С. 109–111]) и княжеской, основанной на «Повести временных лет» 1118 г. и описывающей подвиги Владимира Глебовича в военных предприятиях против степи, которая велась до 1187 г. (Там же. С. 112). Именно она привлекалась как при составлении Киевского свода 1200 г., так и Владимирского свода 1193 г. Это стало, во-первых, причи-

---

«Богъ и Святая Богородица и Святая мученика избависта градъ отъ сильнѣя рати» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359).

¹⁰ Ученый более корректно назвал ее «историческим повествованием о судьбах Галицко-Волынской земли» (Присёлков 1996. С. 86).

ной дублей, читающихся в Лавр. т. к. там уже была использована епископская переяславская летопись (Там же. С. 111–112); во-вторых, это объясняет наличие общего текста в повествовании о событиях XII в. Лавр. и Ипат., т. к. обе они использовали Переяславскую княжескую летопись 1187 г. (Там же). Текстологические доказательства такой схемы небезупречны, как было показано Т. Л. Вилкул (Вилкул 2019. С. 237–238, примеч. 21).

Д. С. Лихачёв предполагал, что летописи XII в., из которых состоят дошедшие до нас своды, рассказывали не столько о истории той или иной земли, сколько о истории конкретного князя и его семьи, поэтому наибольший интерес летописцев касался рождения, венчания, смерти и других значимых событий жизни своих патронов (Лихачёв 1947. С. 176), что отличает летописание средневековой Руси и от византийских, и от западноевропейских традиций (Там же).

Продолжая идею М. Д. Присёлкова, Д. С. Лихачёв заметил, что авторами некоторых летописных сообщений могли быть и сами князья¹¹. Оставляя практически без изменений схему сложения Ипат., предложенную М. Д. Присёлковым, Д. С. Лихачёв обнаружил, что содержащиеся в ней переяславские по происхождению известия лишены некоторых отрицательных характеристик князей линии Ольговичей в отличие от Лавр., где они присутствуют (Там же. С. 186–189). По мнению ученого, текст протографа подвергся некоей «прочерниговской правке», прежде чем попал в состав Киевского свода. Вероятно, это произошло в своде, составленном летописцем круга Игоря Святославича в период правления князя в Чернигове. Этот автор рассказывает о событиях последней трети XII в., обращает особое внимание на походы против половцев и вообще половецкие дела, но его произведение отличается «необычайно широким политическим горизонтом» (Там же. С. 189).

И. П. Еремин в труде «Киевская летопись как памятник литературы» вслед за К. Н. Бестужевым-Рюминым различает в составе этой летописи различные «методы отражения исторической действительности» (Еремин 1949. С. 67–68): погодные записи, рассказы, повести. *Погодная запись* краткая, обладает ярко выраженной документальностью, авторская позиция в ней не выражена (Там же. С. 69–70). *Рассказы* также документальны, точны, конкретны, значительно шире погодных записей, содержат цельное повествование о событиях (Там же. С. 70–81). К *повестям*, по И. П. Еремину, относятся те «сказания», выделенные К. Н. Бестужевым-Рюминым, которые имеют характер, близкий агно-

---

¹¹ Так, он считает, что ладожские известия были записаны лично князем Мстиславом Владимировичем, т. к. в летописи чувствуется его «снисходительный тон» по отношению к посаднику (Лихачёв 1947. С. 179).

графическому (Там же. С. 82): «повесть о смерти того или иного князя... уже содержит в себе в потенции все основные элементы так называемого княжеского “жития”» (Там же. С. 89). В основе методов летописца «реализм средневекового типа», стоящий «на той грани, которая едва отделяет литературу от документа», он «не обнаруживает признаков творческого переосмысления этих событий» (Там же. С. 81), причем, отмечает исследователь, агиографические нотки тесно соседствуют со скрупулезной документальностью иногда в пределах одного повествования.

А. Н. Насонов практически не работал над выделением отдельных источников из цельного текста летописи, а, вслед за А. А. Шахматовым, избрал методику сравнительного анализа близких текстов и выделения маркеров, которые могли бы указать на происхождение непосредственного автора текста, таких как: слова «наши», «они», упоминание стороны Днепра, детальное знание топонимики, также отмечавшиеся и К. Н. Бестужевым-Рюминым (Насонов 1969. С. 80–96). По А. Н. Насонову, значительные части текста Лавр. создавались путем извлечения информации из киевского текста, читающегося по Ипат., промежуточным звеном служила переяславская летопись. Характер таких извлечений мог быть разным: использование оригинального текста с небольшими сокращениями, выдержки, «мозаика», краткий сухой пересказ событий (Там же). Но некоторые оригинальные фрагменты в самой КЛ были утрачены или перебиты последующими наслоениями, например, черниговскими вставками, а в Лавр. сохранены (Там же. С. 100). Это стало причиной нарушения хронологии, потери отдельных частей текста и внутренних ссылок.

А. Н. Насонов пришел к выводу, что киевское летописание сохранилось в Ипат. более полно, чем в Лавр., переяславское – более полно в Лавр., а в Ипат. привлекалось в качестве подсобного источника (Там же. С. 87)¹². В основе СЛ (Лавр.) – ранняя киевская редакция 1157 г., которая была сокращена в переяславском своде¹³ (тогда могли быть добавлены отрицательные характеристики Ольговичей [Там же. С. 82–83]) и продолжена во Владимире¹⁴. В основе КЛ – исходный пространственный киевский источник, к которому добавлены черниговские записи, переби-

---

¹² «Переяславский источник в киевском своде был использован не полностью и не совсем удачно» (Насонов 1969. С. 84).

¹³ После этой даты в Лавр. резко сокращается число как киевских, так и переяславских известий, повествование ведется о владими́ро-суздальских событиях (Там же. С. 97–111).

¹⁴ При этом «южнорусский свод привлекался на Северо-Востоке по крайней мере дважды в разновременных редакциях» (Там же. С. 82, примеч. 5).

вающие и местами вытеснившие (Там же. С. 100) основной текст, и выдержки из переяславского свода, также местами разделяющие первоначальное повествование (Там же. С. 85). Таким образом, оба сводчика использовали и киевский, и переяславский источники, следовательно, общие места обеих летописей имеют либо киевское, либо переяславское происхождение. Черниговским текстам А. Н. Насонов уделяет большое внимание, представив детальную схему соединения черниговских и киевских известий в статьях конца 1140-х гг. КЛ (Там же. С. 100–110).

Ю. А. Лимонов вслед за К. Н. Бестужевым-Рюминым представлял летописание XII в. в виде серии княжеских летописей, отразившихся в поздних сводах. В Киевскую великокняжескую летопись первой половины XII в. вошел Летописец Юрия Долгорукого, а во Владимирский свод 1178 г. – Летописец Андрея Боголюбского. В Киеве постоянно велась великокняжеская летопись, ее редакция первой половины XII в. – в составе Владимирского свода 1178 г., а продолжение этого свода, к которому был добавлен Летописец Переяславля-Южного, – Владимирский свод 1189 г., в свою очередь, соединился в Киевском своде 1200 г. с киевской великокняжеской летописью второй половины XII в. Редактор 1180-х гг. при Святославе Всеволодиче убрал из текста КЛ отрицательные характеристики Ольговичей (Лимонов 1967. С. 70), а в конце XII в. были убраны враждебные трактовки действий Ростислава Мстиславича и инкорпорированы вставки о его деятельности в 1140–1150-е гг., которых нет в Лавр. (Там же. С. 69–70). Лавр. сохранила ранний киевский источник в первоначальном виде, лишенном правок 1180–1190-х гг. (Там же. С. 70–71).

Б. А. Рыбаков в своих трудах (Рыбаков 1963; 1972) расширил идеи К. Н. Бестужева-Рюмина о множестве летописцев (с точки зрения автора – преимущественно княжеских) и «мозаичном» составе КЛ¹⁵. Он отметил, что свое летописание в XII в. велось в Чернигове, Переяславле, Новгороде, Пскове, Ростове, Суздале, Владимире, Галиче; автор Киевского свода 1199 г. опирался на летописи Ростиславичей, Ольговичей, Юрьевичей, «епископские» (Рыбаков 1963. С. 303). Ученый выделил в его основном повествовании множество отдельных княжеских летописей, соотнеся разницу в характере изложения известий с хронологией пе-

---

¹⁵ «Редактор-сводчик конца XII века был не столько продолжателем какой-либо одной хроники, сколько художником-мозаичистом, составлявшим сложную историческую композицию из целой библиотеки областных летописей» (Рыбаков 1963. С. 303, 309).

редачи киевского стола (Там же. С. 311–316)¹⁶. Наиболее подробно он рассматривает Летопись Изяслава Мстиславича, куда входили сообщения разных типов: изложение стратегической обстановки, дневники походов, записи совещаний, съездов, «дум», посольские отчеты, княжеская переписка (Там же. С. 311–316). Последняя представляет собой следы цельного княжеского архива письменных документов Рюриковичей, не сохранившихся до наших дней. Исследователь счел идею М. Д. Присёлкова о существовании переяславских сводов не имеющей достаточных доказательств – характер «переяславских известий» может быть объяснен иначе, а статьи, их содержащие – написаны в Киеве (Рыбаков 1972. С. 9–10).

В. Ю. Франчук проанализировала лексику, языковые обороты, литературные приемы, иностранные и диалектные слова в тексте КЛ (Франчук 1986). Рассматривая статьи 1147, 1149, 1152 гг., В. Ю. Франчук отмечает дополнительные особенности летописи «Мстиславова племени», выделенной Б. А. Рыбаковым и написанной, по мнению ученого, рукой Петра Бориславича (Там же. С. 77–88). Исследовательница выделяет целый ряд княжеских посланий из «несохранившегося архива», которые были внесены в летопись, и рассматривает их специфические черты (Там же. С. 109–104, 203).

Н. Ф. Котляр при рассмотрении структуры КЛ вслед за К. Н. Бестужевым-Рюминым и Б. А. Рыбаковым выделил целый ряд светских исторических повестей, рассказывающих о подвигах князей, среди них: Летопись Владимирова племени, Повесть о убийстве Андрея Боголюбского и др. (Котляр 2006. С. 39–53; 2009. С. 31–50, 109–218). Центральное место в КЛ занимает Повесть о Изяславе Мстиславиче (Котляр 2009. С. 109–133), которую исследователь сравнивает с Повестью о Данииле Романовиче Галицко-Волынской летописи (Котляр 2006. С. 39, 42–53). В такой повести автор следует за действиями главного героя, ее язык значительно более эмоционален, чем обычный летописный текст, в изобилии применяются художественные средства, «изобретательная лепка образа героя» (Там же. С. 41–42). Н. Ф. Котляр предположил, что такие повести изначально являлись составными частями Киевского свода, соединенными погодными записями, а не самостоятельными источниками, на которые сводчик опирался в своей работе, как считал К. Н. Бестужев-Рюмин (Там же. С. 39, 42), что отражает широкое пони-

---

¹⁶ Например, в тексте 1140–1150-х гг. КЛ он выделил: летопись «Владимирова племени», лояльную Андрею Владимировичу и охватывающую события 1139–1143 гг., летопись Всеволода Ольговича, которой принадлежат статьи 1142, 1144 гг., летопись Святослава и Игоря Ольговичей, Изяслава Мстиславича (Рыбаков 1972. С. 36–183, 277–338).

мание жанровых ограничений летописи, порой служившей своего рода коллекцией исторических повестей.

Т. Л. Вилкул отказалась от методики выделения множества локальных или княжеских летописей в тексте КЛ. Она неоднократно обращалась к проблеме соотношения текстов Лавр. и Ипат., замечая, что многие критерии происхождения летописных эпизодов, которыми пользовались предыдущие исследователи, такие как, например, использование слов «наши», «они», упоминания о стороне Днепра, не обязательно отождествляют автора с определенным городом и могут опираться на литературные образцы; также не являются жесткими критериями похвала и критика того или иного князя, так как «древнерусские книжники могли в ином случае и «похвалить “чужих” князей и пожурить “своих”» (Вилкул 2005. С. 25), в чем можно видеть развитие мысли И. П. Хрущова о беспристрастности городских летописцев.

Признав существенные минусы методологии предыдущих исследователей¹⁷ Т. Л. Вилкул предложила избрать другой способ изучения КЛ, обратившись к детальному рассмотрению общих пластов текстов Лавр. и Ипат., и выделяя такие элементы редакторской правки как: разрывы, повторы, несогласования чисел и форм, хронологические нестыковки, спонтанные изменения в составе участников событий. Выделив тридцать семь близких фрагментов Лавр. и Ипат. за XII в., Т. Л. Вилкул показала, что именно Ипат. содержит следы редактуры, т. е. составитель Киевского свода, читающегося в составе Ипат., исправлял и расширял первоначальный текст, который можно видеть в Лавр. (Вилкул 2005. С. 21–80; 2019. С. 240–265). Кроме того, исследовательница выделила целый ряд заимствований из хронографических текстов, которые были использованы при составлении текста Ипат. за XII в. и наличествуют именно в ее уникальных частях (Вилкул 2019. С. 267–299). Т. Л. Вилкул отмечает, что в тексте КЛ читается соединение двух основных и нескольких вспомогательных текстов. Это, во-первых, общий протограф Лавр. и Ипат. за XII в. – в Лавр. он представлен владими́ро-суздальской редакцией раннего киевского свода (Там же. С. 266). Во-вторых, это расширения и добавления редактора-составителя Киевского свода, отредактировавшего финал и текст середины XII в. В своих правках он отразил политическую картину рубежа XII–XIII вв., когда породнились семьи Рюрика Ростиславича, Игоря Свя-

---

¹⁷ А именно: неоднозначность параметров, с помощью которых известия относились к летописанию той или иной земли, отсутствие решения вопроса о происхождении общих для Лавр. и Ипат. известий, повествующих о событиях Владимира и Суздаля 1160–1170-х и 1180–1190-х гг., однозначная оценка более пространного текста как первоначального и другие. (Вилкул 2005. С. 21–80; 2019. С. 236–240).

тославича и Всеволода Юрьевича, по лояльности к потомкам которых можно отличить его вторжения в первоначальный текст. К этим двум пластам рукой того же сводчика были присоединены другие источники летописного характера: новгородские, записи времени киевского княжения Ростислава Мстиславича, а также известия, оставленные человеком, близким к черниговскому князю Святославу Ольговичу (Там же. С. 266–267)¹⁸.

Обстоятельства создания КЛ были рассмотрены В. Ю. Аристовым, вслед за Т. Л. Вилкул раскритиковавшим методику К. Н. Бестужева-Рюмина по реконструкции на ее основе множества местных летописей (Аристов 2011. С. 117–136). Обращаясь к черниговским летописным заметкам, повествующим о жизни Святослава Ольговича, выделенным Т. Л. Вилкул (Там же. С. 125; Вилкул 2004. С. 63–74), он предположил, что первоначально это был «тематический дневник» на последних страницах Псалтыри или Евангелия. Продолжающий их «летописец Игоря» не имеет точных датировок, значит, события были зафиксированы по припоминаниям, а внимание к этому князю может быть объяснено его связью с Ростиславичами (Аристов 2011. С. 127). Переяславские известия Лавр. могут быть объяснены, с точки зрения В. Ю. Аристова, простыми добавлениями поверх киевского текста «в ходе одномоментной редакции» (Там же. С. 128). Таким образом, отмечает ученый, нет достаточных свидетельств, чтобы реконструировать особые местные летописи даже в Чернигове и Переяславле. Переяславские сообщения в Лавр., по мнению исследователя, не отличаются от любых других «общерусских», но часто имеют более точную датировку, чем в Ипат., так что, вероятно, Лаврентьевский список просто сохранил более точный вариант киевского текста. То же касается и специфических ростовских летописей – их выделение из владимирского пласта кажется излишним.

В. Ю. Аристов выделяет в составе Киевского свода анналистическую составляющую – краткие погодные киевские записи за XII в. (Там же. С. 131–132), и, вслед за Т. Л. Вилкул – нарративный текст, который составлялся в два этапа. Первый источник, общий с Лавр., – изначально киевский, фокусирующийся, собственно, на киевских событиях, был доведен до 1160 г. и взят за основу Владимирского свода – текста Лавр. за XII в. (но здесь подвергся небольшому сокращению (Там же. С. 135), затем в составе этой летописи его продолжают владимирские события.

---

¹⁸ В специальной статье, посвященной черниговскому летописанию, Т. Л. Вилкул классифицирует черниговские тексты на пространные повести, которые подверглись поздней редакции, и краткие сообщения приверженца Святослава Ольговича продолжавшиеся с 1146 по 1152 г. (Вилкул 2004. С. 63–65).

Второй – более пространный, общерусский по содержанию, уникальный для Ипат. текст, с большим количеством добавлений и расширений – автора Киевского свода рубежа XII–XIII вв. (Там же. С. 132–133), который использовал в работе и упомянутый Владимирский свод. Киевская летопись велась, по мнению В. Ю. Аристова, только в Выдубицком монастыре, для реконструкции собственного киево-печерского летописания нет достаточных оснований (Там же. С. 135–136). В другом своем труде, критически переосмысляющим работы А. А. Шахматова о раннем летописании, В. Ю. Аристов обратился к эволюции методологии в европейском и российском (затем – советском) источниковедении XIX–XX вв., высказав при этом ряд существенных соображений и о работах К. Н. Бестужева-Рюмина с историографических позиций. Он показывает, что методы этого ученого, хотя и рассматриваются как знаковые именно для «дошахматовского» периода, имеют много общего с работами самого А. А. Шахматова и его последователей, в т. ч. и общие проблемы (Аристов 2018. С. 22–59), в числе которых недостаточное внимание, собственно, практике погодного летописания (Там же С. 61).

И. К. Чугаева провела полный анализ черниговских текстов, сохранившихся в различных поздних сводах. Она выделяет сообщения о князьях, рассматривает различия в характере лояльности летописца, упоминания отчеств, топонимов Черниговской земли и других специфических черниговских элементов в летописании XI–XIII вв. Эти тексты исследовательница классифицирует на «летописания», «летописные фрагменты», «заметки», а также «вставки» – в случае, если фрагмент резко контрастирует с основным повествованием (Чугаева 2018. С. 49–50). Обращаясь к КЛ, она видит в статьях 1146–1167 гг. явный след непрерывного черниговского летописания (там же. С. 113), выделяет группы текстов, связанных с определенными князьями из линии Ольговичей: и фиксирующих события по горячим следам, и ретроспективные припоминания. Среди таких цельных текстов – жизнеописания Святослава Ольговича, Святослава Всеволодича и Игоря Святославича. Они характеризуются логической завершенностью сюжета, интересом к делам князей. И. К. Чугаева не соглашается с В. Ю. Аристовым в том, что заметки о жизни Святослава Ольговича носят нелетописный характер, и характеризует узость интересов, проявленную в них, как свойственную именно местным летописям (Там же. С. 90). Вслед за К. Н. Бестужевым-Рюминым исследовательница особо выделяет в КЛ руку северянина (Там же. С. 88), а также отмечает особые агиографические черты Сказания о убийстве Игоря Ольговича (Там же. С. 90, 93). И. К. Чугаева отмечает, что эти летописи велись в Чернигове и Новгороде-Северском, но, кроме того, черниговское летописание велось па-

раллельно с киевским, лояльным другим линиям Рюриковичей, в Киеве. Например, летописные записи Святослава Всеволодича создавались синхронно летописанию Рюрика Ростиславича (Там же. С. 249–250). Это наблюдение показывает, что летописные известия, выглядящие «местными» из-за лояльности к князю определенной ветви династии, могли на деле вестись в Киеве.

* * *

Итак, предположение К. Н. Бестужева-Рюмина о многочисленных центрах летописания, существовавших в XII в. и нашедших отражение в КЛ, пользовалось особой популярностью в конце XIX – середине XX в. благодаря соответствию исторической концепции «раздробленности» Руси. Представление о том, что, подобно распаду единого Древнерусского государства на множество княжеств, по их центрам разошлась и изначально киевская традиция летописания, давало непротиворечивую картину тенденций исторического развития и позволяло связать воедино множество разрозненных фактов. Этот тезис справедливо подвергся критике – действительно, сам летописный материал не дает достаточно данных для подобных операций: повествование, хотя и касается разных областей, но само по себе цельно и слитно, а интерес автора простирается не только на разные земли самой Руси, но также и на европейские дела, и на события из половецкой жизни, что не говорит о использовании автором соответствующих письменных источников. Конечно, упоминание конкретики, касающейся передвижений войск, церковных дел, и, особенно, локальных топонимов, показывает близкое знакомство информанта с описываемыми реалиями, но недостаточно для реконструкции полноценных локальных летописей: как известно, формы сохранения памяти в письменном или устном виде в XII в. могли быть разнообразны: это и надписи на стенах храмов, и записки на полях и пустых страницах рукописей библейских текстов.

Среди свидетельств местного летописания особняком стоит вопрос о черниговских пластах. К. Н. Бестужев-Рюмин пишет, что текст 1140-х гг. несет явные следы соединения «сказания о Изяславе Мстиславиче» с черниговской летописью. Исследователь отмечает, что, хотя они были скомпилированы по принципу целостности повествования, их «тон» (т. е. выраженная лояльность Мстиславичам или Ольговичам) меняется при переходе через границу вставок. Это наблюдение К. Н. Бестужева-Рюмина расширил И. П. Хрущов, который выделял два типа черниговских текстов: погодный текст 1140-х и заметки о жизни Святослава Ольговича, что, в свою очередь, замечательно дополнил

Д. С. Лихачёв, отметивший, что КЛ лишена нескольких критических ремарок о Ольговичах, присущих Лавр., что показывает, что тот же человек, который добавлял черниговские тексты в КЛ, убирал нелюбимые заметки о черниговских князьях (или, наоборот, кто-то добавил их в Лавр.). Т. Л. Вилкул выделила две группы черниговских текстов: пространные повести, подвергшиеся поздней правке, и лапидарные сообщения (Вилкул 2004. С. 63–74). В. Ю. Аристов считает возможным говорить лишь о заметках о жизни Святослава Ольговича, причем их автор был связан лично с князем, а не с городом.

Мне представляется целесообразным особое выделение К. Н. Бестужевым-Рюминым черниговских пространственных записей конца 1140-х гг. Как отметил исследователь, при их внесении в КЛ сводчик делал минимум исправлений и не унифицировал текст, что подтвердили затем другие работы, особенно труды И. К. Чугаевой (Чугаева 2018. С. 89). Только так стало возможным соседство текстов, сочувствующих Игорю Ольговичу, а затем – уничижающих его. Например: «в то же время посла Игорь къ Изяславоу рече: “Се брата нашего Богъ понялъ, а стоишь ли въ хрьстьномъ целованьи?” Онъ же ни отвѣта емоу не дасть противуоу той рѣчи, ни посла к нему поустити. // И не оугоденъ бысть Кияномъ Игорь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322). Последняя фраза, как и последующее повествование – из другого источника. Нигде более в КЛ мы не видим столь очевидного соединения текстов с противоположной по характеру лояльностью. Таким образом, полностью отказаться от идеи существования в 1140-х гг. черниговского летописания не представляется возможным.

Вопрос о том, почему характер правок так сильно отличается в разных частях КЛ, представляется также значительным: от механического соединения, как в тексте, представленном выше, он меняется до практически полностью сглаженного повествования, содержащего лишь отдельные нестыковки. Это может быть свидетельством работы нескольких сводчиков, которые по-разному понимали принципы своего труда. Т. Л. Вилкул отметила периоды, различающиеся характером работы компилятора, и объяснила их тем, что сводчика в конце XII в. интересовали определенные исторические моменты – повествование о этих событиях расширено и отличается от тех пластов текста, которые лишены правок¹⁹, что также выглядит убедительно.

---

¹⁹ Т. Л. Вилкул объясняет эти «пики», на которые приходится большое количество княжеских «речей», а повествование отличается детальностью, значительным интересом сводчика конца XII в. именно к этим временным периодам исходя из политической ситуации его времени. Она отмечает, что они были выделены еще

Уже в записях 1130-х гг. КЛ обращает на себя внимание ряд дублей, которые продолжают даже на этапе компоновки погодных записей черниговского и киевского происхождения в статьях 1140-х, а также в сообщениях 1150-х гг. Здесь можно видеть соединение различных вариантов одних и тех же событий, написанных в Киеве или в географической близости от него, но в статьях 1160-х гг. краткий источник, близкий Лавр., никак не проявляет себя, в статьях 1170–1190-х гг. перемежаются киевские и суздальские известия. На различных этапах сводчику приходилось компоновать как минимум два источника, а в статьях 1140-х – дополнительный черниговский текст. Среди двух основных источников Т. Л. Вилкул, а затем – В. Ю. Аристов, выделили один бесспорный протограф, общий с Лавр. Исследователи полагают, что этот более краткий, ранний источник был «осевым» (Вилкул 2005. С. 265), это «простое и фактографическое» «тело летописи» (Аристов 2011. С. 133) – вокруг его повествования строилось расширение КЛ. Наличие двух вариантов изложения событий Т. Л. Вилкул объясняет тем, что сводчик конца XII в. для распространения известий привлекал дополнительные тексты, написанные в разное время, например, новгородские сообщения, записи о личных делах Святослава Ольговича и др., основное же наращивание текста произошло за счет позднего литературного конструирования, раскрасившего повествование и придавшего ему определенную политическую окраску (Вилкул 2019. С. 266.). Однако цельность уникального текста КЛ, выраженный поэтапный характер составления ее основного массива (Юрьева 2021. С. 305–331) говорят в пользу того, что этот оригинальный обширный текст был изначально един, и написан он был поступательно, т. е. на этапе составления свода рубежа XII–XIII вв. шла работа по соединению двух основных исторических летописных текстов: (1) краткого, общего с Лавр. и (2) пространного, уникального киевского. При их соединении, очевидно, была внесена новая информация по иным источникам и припоминанию, а также проведена редакция, но трудно поверить, что объем дополнений был настолько велик, чтобы полностью поменять характер летописи. Исключение составляют обширные черниговские тексты, отдельно включенные в Киевский свод. Среди них можно выделить повествование второй половины 1140-х – начала 1150-х и отдельные точечные известия о жизни Святослава Ольговича и его семьи.

По сути, анализ соотношения двух указанных источников КЛ был начат К. Н. Бестужевым-Рюминым, который активно сравнивал ее с СЛ. Важным отличием его рассуждений от многих последующих работ

Б. А. Рыбаковым и В. Ю. Франчук, по мнению которых в эти периоды творил «редкий долгожитель» Петр Бориславич (Вилкул 2019. С. 266).

было представление о равнозначности использованных книжником источников: ученый подчеркивал, что в подавляющем большинстве повторных или несогласованных с точки зрения логики записей сводчик КЛ трудился над тем, чтобы соединить *два варианта* изложения событий (Бестужев-Рюмин 1868. С. 88, 98–99, 117–118 и др), а не расширить один. Они были близки, но содержали разные взгляды на события, причем эта разница, как правило, касалась состава действующих лиц, хронологических пометок, топонимических маркеров, т. е. как раз тех особенностей, которые составляют основные нестыковки, проявляющие редакторскую работу сводчика КЛ. Если бы он только дополнял события, описанные в кратком, общем для Лавр. и Ипат., источнике, то таких проблем не возникло бы – он бы просто расширил существующий рассказ. Наличие текстов, содержащих две незначительно различающиеся версии произошедшего и написанных с одинаковых политических и географических позиций, и стало причиной того, что сводчик ошибался, списывая повторно описание одного и того же события, и в результате редакторская работа оказалась очевидна. Впервые попытки сравнения КЛ и СЛ как равноценных источников, опиравшихся на общий протограф, предпринял предшественник К. Н. Бестужева-Рюмина, И. Д. Беляев (Беляев 1849), а наиболее яркие примеры соединения двух близких вариантов развития событий в КЛ выделены Т. Л. Вилкул (Вилкул 2005). Так, два источника со всей очевидностью проявляют себя в сюжете о спешном отъезде иностранных союзников Изяслава Мстиславича: сначала приводится рассказ по краткой версии, но затем повторяется по пространному варианту (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387–388; Вилкул 2005. С. 42. Бестужев-Рюмин 1868. С. 91). Особенно ярко оба текста прослеживаются в описании битвы на реке Руте 1151 г. и приготовлений к ней (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 333, ПСРЛ. Т. 2. 434–435; Вилкул 2005. С. 50)²⁰. Наиболее очевидное вмешательство в краткий рассказ о событиях, отразившийся и в КЛ, и в СЛ, – добавление имен Вячеслава и Ростислава к имени Изяслава в пространной части статьи 1151 г. КЛ (Вилкул 2005. С. 49): вероятно, что этот более полный киевский источник упоминал трех наиболее политически активных князей коалиции, а краткий – только ее главу, Изяслава Мстиславича. И если имя Ростислава могло быть добавлено в конце XII в. исходя из политических соображений, как это видит Т. Л. Вилкул (Вилкул 2005. С. 49) (хотя он далеко не всегда пред-

²⁰ К. Н. Бестужев-Рюмин пишет о этом эпизоде в КЛ: «следственно, у составителя свода было два источника: краткий, одинаковый с тем, который был в руках составителя свода *Суздальского*, – отсюда и дословность их рассказа во многих местах, – и подробный, т. е. всего вероятнее предположенное нами отдельное сказание о Изяславе» (Бестужев-Рюмин 1986. С. 98).

ставлен в выгодном свете [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359]), то пространные пассажи о Вячеславе Владимировиче, а тем более – о галицком князе Владимире Володаревиче вряд ли имело смысл искусственно конструировать по литературным образцам в конце XII – начале XIII в. К. Н. Бестужев-Рюмин подчеркивает, что два незначительно различающихся варианта развития событий мы часто видим и при сравнении Ипат. и Лавр. (а не расширение или сокращение одной по другой), например, в описании переправы группы Юрия Владимировича у Заруба перед битвой на реке Руте приводится разный состав участников (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 424; Т. 1. Стб. 331; Бестужев-Рюмин 1968. С. 96–97).

И краткий, и пространный источники КЛ описывают преимущественно события Южной Руси. Как справедливо отметил В. Ю. Аристов, пространный имел более широкий кругозор и интересовался делами в разных землях Руси, краткий (до 1160-х гг.) – более узко киевскими (Аристов 2011. С. 133). Наиболее вероятно, что оба они, как и предполагал К. Н. Бестужев-Рюмин, велись в самом Киеве или же в городе или монастыре, расположенном недалеко от него. Ученый выделял киево-печерские и выдубицкие известия. Давно высказывались предположения о том, что краткий, общий для СЛ и КЛ источник был создан или отредактирован в Переяславле. Наиболее убедительные аргументы в пользу этого привел А. Н. Насонов, однако он был уверен в том, что основа Лаврентьевской летописи за XII в. сложилась из соединения этого переяславского источника с киевским, откуда в тексте также много специфических киевских известий (например, «прогна нашъ опять» говорится применительно к киевлянам во главе со Шварном. – Насонов 1969. С. 91; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 314) Т. В. Гимон на основании наблюдений над сменами стилей летоисчисления и географических показателей общего текста Лавр. и Ипат. (Гимон 2022. С. 153–155), подтвердил, что как минимум в 1110 – начале 1140-х гг. он велся в Переяславле, т. е. речь идет скорее не о переяславской переработке, а переяславской основе краткого источника. Заметим, что в статьях конца 1140-х – первой половины 1150-х гг. этот источник показывает практически тот же политический и географический взгляд на события, что и пространная версия событий, известная только по Киевской летописи, что, собственно, и заставило А. Н. Насонова предположить, что Лавр. содержит выдержки из Ипат. (Насонов 1969. С. 94). Однако способ описания событий и акценты краткого (известного по двум летописям) и пространного, уникального для Киевской летописи источников заметно различаются. Можно предположить, что оба они велись в южной Руси, первый, вероятно, менял свое местоположение, возможно некоторое время пополнялся при соборе Св. Софии. Во второй половине 1150-х гг. он был перевезен в

Северо-Восточную Русь и лег в основу местной летописи, отразившейся в Лаврентьевской – с 1157 г. здесь превалируют суздальские известия (Насонов 1969. С. 96)²¹. Пространный источник создавался, очевидно, в Киево-Печерском монастыре – значимом для всей Руси духовном центре, тесно связанном с Рюриковичами и обладавшим особым авторитетом при решении вопросов княжеского этикета, посольской дипломатии, что также подтверждается результатами исследований Т. В. Гимона (Guimon 2021. Р. 297–302). Монастырь активно участвовал во взаимодействии Рюриковичей, что и привело к особенному вниманию летописцев к деталям соглашений и обилию княжеских «речей». Соединение известий и завершение Киевского свода было сделано в Выдубицком монастыре.

Автор данной работы, как мои ближайшие коллеги, Т. В. Гимон и И. С. Юрьева, видит перспективу исследования Киевской летописи как в дальнейшем уточнении соотношения отдельных пластов текста: общего с Лавр. (ЛИ по Т. Л. Вилкул) и уникального Ипатьевского, так и в изучении того, как последний эволюционировал на протяжении статей за XII в. (Гимон 2020; 2022; Юрьева 2021; 2022; Лавренченко 2022).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аристов В. Ю.* Алексей Шахматов и раннее летописание. Метод, схема, традиция. Киев: Laurus, 2018. [*Aristov V. Yu.* Aleksey Shakhmatov i ranneye letopisaniye. Metod, skhema, traditsiya (Alexey Shakhmatov and Early Chronicles. Method, Scheme, Tradition). Kyiv: Laurus, 2018.]
- Аристов В. Ю.* Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2011. Вып. 10. С. 117–136. [*Aristov V. Yu.* Problemy proiskhozhdeniya soobshcheniy Kiyevskoy letopisi (Problems of the Origin of Materials of the *Kyivan Chronicle*) // *Ruthenica*. 2011. Vol. 10. S. 117–136.]
- Беляев И. Д.* Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 по 1169 год. Статья первая // *Временник Московского общества истории и древностей российских*. 1849. Кн. 2. С. 1–26. [*Belyayev I. D.* Russkiye letopisi po Lavrent'yevskomu spisku s 1111 po 1169 god. Stat'ya pervaya (Rus Chronicles according to the Laurentian Manuscript, 1111–1169. Part 1) // *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1849. Kn. 2. S. 1–26.]
- Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. [*Berezhkov N. G.* Khronologiya russkogo letopisaniya (The Chronology of Rus Chronicles). Moscow, 1963.]

---

²¹ По ряду признаков, она была продолжена при епископской кафедре в Ростове (Гимон 2012. С. 42–47).

- Бестужев-Рюмин К. Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1868. [*Bestuzhev-Ryumin K. N.* O sostave russkikh letopisey do kontsa XIV veka: 1) Povest' vremennykh let; 2) Letopisi yuzhnorusskiye (On the Makeup of Rus Chronicles up to 1400: 1) the Primary Chronicle; 2) the Chronicles of Southern Rus). St-Petersburg: Publishing House of A. Transhel, 1868.]
- Вилкул Т. Л.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) [*Vilkul T. L.* O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'yevskoy i Lavrent'yevskoy letopisi za XII v. (predvaritel'nyye zametki) (On the Origin of the Common Text of the *Hypatian* and the *Laurentian* Chronicles: Preliminary Notes)] // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2005. Vol. 13. P. 21–80.
- Вилкул Т. Л.* Летопись и хронограф: Текстология домонгольского киевского летописания. М.: Квадрига, 2019. [*Vilkul T. L.* Letopis' i khronograf: Tekstologiya domongol'skogo kiyevskogo letopisaniya (Chronicle and Chronograph: Text Critical Studies of pre-Mongol Kievan Chronicles and Early Rus Chronographs). Moscow: Kvadriga, 2019.]
- Вовина-Лебедева В. Г.* Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // *Российская история*. 2019. Вып. 4. С. 3–27. [*Vovina-Lebedeva V. G.* Ugashiy mir drevnerusskikh letopisey: vzglyad segodnya (The Extinct World of Old Rus Chronicles: a View from Today)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2019. Vyp. 4. S. 3–27.]
- Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. [*Vovina-Lebedeva V. G.* Shkoly issledovaniya russkikh letopisey: XIX–XX vv. (Research Schools of Rus Chronicles: the 19th–20th Centuries). St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2011.]
- Гимон Т. В.* Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2012. № 6, ч. 3. С. 42–47. [*Guimon T. V.* Tematika soobshcheniy Lavrent'yevskoy letopisi (tekst za 1156–1263 gg.) (The Circle of Events Described in the *Laurentian Chronicle*, Entries for 1156–1263)] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2012. № 6, ch. 3. S. 42–47.]
- Гимон Т. В.* К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // *Восточная Европа в древности и средневековье*. 2018. [Вып. 30]. С. 64–71. [*Guimon T. V.* K voprosu o knyazheskikh poslaniyakh v Kiyevskom svode (XII v.) (On Princely Messages of the *Kyivan Chronicle*, the 12th Century)] // *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i Srednevekov'ye*. 2018. XXX Yubileynyye Chteniya pamyati chel.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto. S. 64–71.]
- Гимон Т. В.* Летописание Переяславля-Южного в 1110-х – первой половине 1140-х гг. [*Guimon T. V.* Letopisaniye Pereyaslavlya-Yuzhnogo v 1110-kh – pervoy polovine 1140-kh gg. (The Annalistic Writing of Pereyaslavl-upon-Dnieper in the 1110s – the Early 1140s)] // *Graphosphaera: Письмо и письменные практики / Writing and Written Practices*. М., 2022. Т. 2, № 2. С. 146–164. <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-146-164>

- Гимон Т. В., Тишин В. В.* Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2019–2020 гг.: Дипломатические практики античности и средневековья. М., 2020. С. 267–296. [*Guimon T. V., Tishin V. V.* Tyurkskaya formula privetstviya v drevnerusskoy letopisi (posol'stvo polovtsev k Svyatoslavu Ol'govichu v 1147 g.) (A Turkic Greeting Formula in a Rus Chronicle: Polovtsian Envoys to Svyatoslav Olgovich in 1147) // Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy, 2019–2020 gody: Diplomaticheskiye praktiki antichnosti i srednevekov'ya. Moscow, 2020. S. 267–296.]
- Гиппиус А. А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М.: Русские словари, 2004. Т. 11. С. 183–235. [*Gippius A. A.* K pragmatike i kommunikativnoy organizatsii berestyanykh gramot. (On Pragmatics and Communicative Structure of Birchbark Documents) // Novgorodskiye gramoty na bereste. Iz raskopok 1997–2000 gg. Moscow: Russkiye slovari, 2004. T. 11. S. 183–235.]
- Еремин И. П.* Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 67–97. [*Yeremin I. P.* Kiyevskaya letopis' kak pamyatnik literatury (The *Kyivan Chronicle* as a Monument of Literature) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949. S. 67–97.]
- Котляр М. Ф.* Київський літопис XII століття: історичне дослідження. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. [*Kotlyar M. F.* Kyiv's'kyu litopys 12 stolittya: istorychne doslidzhennya (The *Kyivan Chronicle* of the 12th Century: a Historical Study). Kiev: In-t istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 2009.]
- Котляр Н. Ф.* О возможной природе нетрадиционной структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 36–54. [*Kotlyar N. F.* O vozmozhnoy prirode netraditsionnoy struktury i formy Galitsko-Volynskoy letopisi (On a Possible Nature of the Non-Traditional Structure and Form of the *Galician-Volhynian Chronicle*) // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2006. № 2 (24). S. 36–54.]
- Лимонов Ю. А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967. [*Limonov Yu. A.* Letopisaniye Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi (Chronicle Writing of Northeastern Rus). Leningrad: Nauka, 1967.]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» / «сват(ь)ство» // Die Welt der Slaven. 2013. T. LVIII. S. 308–325. [*Litvina A. F., Uspenskiy F. B.* K utochneniyu semantiki drevnerusskogo «svatatisya» / «svatitisiya» / «svat()stvo» (Towards a Clarification of the Semantics of the Old East Slavic “svatatisya” / “svatitisiya” / “svat()stvo”) // Die Welt der Slaven. 2013. T. LVIII. S. 308–325.]
- Лихачёв Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. [*Likhachyov D. S.* Russkiye letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoye znacheniyе (Chronicles of Rus and their Cultural and Historical Significance.) Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1947.]
- Лавренченко М. Л.* О работе автора Киевской летописи // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13, вып. 5

- (115). [Lavrenchenko M. L. O rabote avtora Kiyevskoy letopisi (About the Work of the Author of the *Kyivan Chronicle*) // Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal. 2022. T. 13, vyp. 5 (115).] <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/>
- Лурье Я. С. Предисловие // Присёлков М. Д. История русского летописания. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. [Lur'ye Ya. S. Predisloviye (Preface) // Prisyolkov M. D. Istoriya russkogo letopisaniya. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996.]
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. [Nasonov A. N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya (History of the Rus Chronicle Writing of the 11th – the Early 18th Centuries: Essays and Studies). Moscow: Nauka, 1969.]
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (A Complete Edition of Rus Chronicles).]
- Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. [Т. 1: Lavrent'yevskaya letopis'. Moscow, 1997.]
- Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. [Т. 2: Ipat'yevskaya letopis'. Moscow, 1998.]
- Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. [Prisyolkov M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. (A History of the Rus 11th – to 15th– Century Chronicle Writing). 2nd ed. St-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1996.]
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. [Rybakov B. A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya, byliny, letopisi. (Old Rus: Tales, Epics, Chronicles). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.]
- Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. [Rybakov B. A. Russkiye letopistsy i avtor «Slova o polku Igoreve» (Rus Chroniclers and the Author of the *Tale of Igor's Campaign*). Moscow: Nauka, 1972.]
- Фрэнчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. [Franchuk V. Yu. Kiyevskaya letopis'. Sostav i istochniki v lingvisticheskom osveshchenii (The *Kyivan Chronicle*. Composition and Sources in a Light of Linguistics). Kiev: Naukova dumka, 1986.]
- Хрущов И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев: Университетская типография, 1878. [Khrushchov I. P. O drevnerusskikh istoricheskikh povestyakh i skazaniyakh XI–XII stoletiy (About Old Rus Historical Stories and Legends of the 11th–12th Centuries). Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1878.]
- Чухаєва І. К. Чернігівське літописання XI–XIII ст.: Історіографічний міф чи історичне джерело? Чернігів: Десна, 2018. [Chuhayeva I. K. Chernihivs'ke litopysannya XI–XIII st.: Istoriohrifichnyy mif chy istorychne dzherelo? (Chernihiv Chronicles of the 11th–13th Centuries: Historiographical Myth or Historical source?). Chernihiv: Desna, 2018.]
- Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб.: Русская библиотека, 2003. [Shakhmatov A. A. Istoriya Russkogo letopisaniya. T. 1. Kn. 2: Ranniye russkiye letopisi XI–XII vekov (History of the Rus Chronicle Writing. T. 1. Book 2: Early Rus Chronicles of the 11th–12th Centuries). St-Petersburg: Russkaya biblioteka, 2003.]

- Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. [*Shakhmatov A. A. Obozreniye russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. (Overview of Rus Chronicles of the 14th–16th Centuries). Moscow; Leningrad.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938.*]
- Юрьева И. С.* К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2021. № 1: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. С. 305–331. [*Yur'yeva I. S. K opredeleniyu tekstologicheskikh granits vnutri Kiyevskoy letopisi: nekotoryye grammaticheskiye i leksicheskkiye dannyye (On the Textual Boundaries in the Kyivan Chronicle: Some Grammatical and Lexical Data) // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Moscow, 2021. № 1: Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. S. 305–331.*]
- Юрьева И. С.* Общий текст Киевской и Суздальской летописей. М.: Ин-т русского языка РАН, 2022. [*Yur'yeva I. S. Obshchiy tekst Kiyevskoy i Suzdal'skoy letopisey (The Common Text of the Kyivan and the Suzdal Chronicles). Moscow: In-t russkogo yazyka RAN, 2022.*]
- Guimon T. V.* Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston: Brill, 2021.

Информация об авторе

МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА ЛАВРЕНЧЕНКО
кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (в 2022–2023 гг.)
Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
e-mail: lavrenchenko1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4851-2569

Information about the author

MARIA L. LAVRENCENKO
Cand.Sc. (Hist.), associate professor National Research University “Higher School of Economics”; researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (in 2022–2023)
Russian Federation, 105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4
e-mail: lavrenchenko1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4851-2569